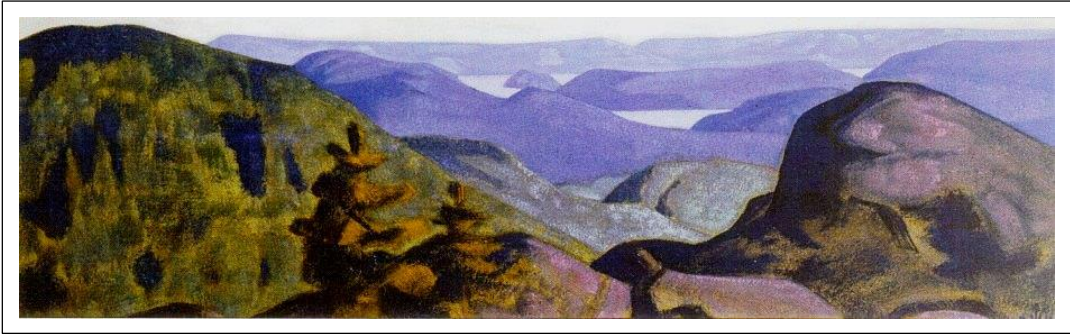

ДЕКАБРЬ

Н.К. Рерих. Долина голубых гор. 1917.

1 декабря 1917 г. Петроград
Открытое письмо А. А. Рылова к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь.
Николаю Константиновичу Рерих.
Дом Genetz (Sortavala).

1-е Декаб[ря] 1917.

Дорогой Коля!
А вот ещё добавление к письму от 30-го:

Комитет постановил отменить всероссийский конкурс, находя, что в этом году нельзя ожидать достойных премий произведений. И это в такое тяжёлое время Поощрение решило не поощрять искусство русское, не поддерживать его. А я, напр., в этом году работаю особенно продуктивно. Искусство служит мне щитом от всяких гадостей земных. Стыдно за наше Поощрение.

Будь здоров и счастлив.

Тв [ой] А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Штемпель в Петрограде 01.12.1917, в Сердоболе 19.12.1917. Стоит штамп военной цензуры

3 декабря [1917 г.]
Открытое письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.

Петроград.
Морская, 35.
Аркадию Вениаминовичу Руманову.

Дорогой А[ркадий] В[ениаминович]. Сегодня 3 Декабря - получил Вашу статью. Она была как бы большим письмом о Ваших настроениях. Как дело с Крачковским? Ужасно тревожусь за имущество его. Нравится ли Вам мой проект Свободной Академии? Поддержите его в Комитете. Имеем мало вестей во-

обще. О моей жизни может Вам поведать Химона. Написал ещё неск[олько] вещей и мистерию Милосердие! Пока живём. Дай Вам Бог тоже.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 58–58об. Автограф открытого письма. Стоит штамп военной цензуры. Штемпель неразборчив.

3 декабря [1917 г.] Сердоболь
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Канцелярия Общ. Поощр. Худож.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Спасибо за присылку анонса для выставки. Он полезен и привлечёт внимание. Как Вы нашли мой проект Свободной Академии? Эта версия опять поставит Школу на гребень волны. А сдать некоторые помещения всегда можно! Когда юбилей Репина — будьте добрый, сообщите. Я пошлю привет. Всё-таки ничего не получаю от Ст[епана] Петр[овича]. Где он? Здоров ли? Ему - привет. Преданный Вам

НР.

3 Дек.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 15–15об. Автограф открытого письма. Штемпель неразборчив.

3 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Н.К.

Воскресенье, 3 Декабря 1917 г.

Дорогой Николай Константинович,

Вчера, в Субботу в 4 ч. дня, состоялся Педагогич[еский] Совет. Сначала я огласил бумагу от Комитета о постановлении Общего собрания О-ва, что прекращается выдача средств на Школу с 1-го Янв. 1918 г., и затем прочитал Твой проект «Свободной Акад[емии]». Педагог[ический] Совет был почти в полном составе. Отсутствовали только Билибин и Щуко. Все очень внимательно прослушали его. Я читал его громко, ясно, не торопясь и подчёркивая главные пункты его. Очевидно, впечатление произведено весьма благоприятное. Воспользовавшись этим и чтоб не дать возможности более ретивым пускаться в критику проекта, я предложил принять его *объединённо с учащимися* и послать Тебе приветствие (да, по окончании чтения мы все дружно аплодировали).

Один из представителей от учащихся - Хортик - заявил, что к идее всецело присоединяется, но так как в проекте установлена плата в 75 р., то он не может ручаться за делегировавших его учащихся, что они тоже присоединятся, - но ему быстро разъяснили, и вопрос был снят. Все разошлись в очень хорошем настроении. По первому пункту, т. е. по поводу бумаги от Комитета, я допустил обмен мнений. Все почти одинаково высказались, что извещение это не *ясно*, что указаний в нём на закрытие Школы нет, а равно не указывается,

какая часть Педагогического состава должна уйти. Поэтому постановлено просить Комитет указать в какой сумме Комитет отказывает Школе. На Педагогич[еском] Совете был, наконец, и Яремич, которого я встретил перед заседанием и просил непременно быть. Видно, он чувствовал себя неловко, т. к., «уставившись в землю лбом», мрачно молчал. Его всячески задирали Макаренко и Вахрамеев, так что мне пришлось призвать их к порядку. Слово взял и товарищ Наумов, резко критиковавший Комитет. Я дал ему немного поговорить, т. к. он говорил это больше для Яремича, и напомнил, что это не есть дело Педаг[огического] Совета и не в порядке дня. Относительно возобновления занятий с Января 1918 г. будем говорить после ответа Комитета, а сей последний поторопился назначить своё заседание в Понедельник, Бог знает, почему, ибо дел никаких нет — на повестке значится только «текущие дела». — Продолжение после Комитета.

В политике всё то же. В последние дни здесь днём и ночью в разных частях города то и дело раздаются одиночные выстрелы, а иногда и залпы. Ничто теперь не удивляет и не пугает. Учредит[ельное] Собр[ание] неизвестно когда откроется. Перемирие заключено на всех наших фронтах до 30 Дек.

Крепко обнимаю Тебя.

Н. Химона

Получил ли газеты, отправлен[ные] мною из Выборга? Интересно.

Целую руку Елены Ивановны. Очень благодарю за бутерброды - очень пригодились в дороге.

Дружески жму руку симпатичным юношам - Юрику и Светику.

Банки эти дни не оперировали, денег достать нельзя, Пётр очень обеспокоен. Картину придётся упаковать в ящик — иначе Трансп[ортная] контора не принимает.

Приехал Бобровский и вместе со всеми нами принимает горячее участие в делах Школы. Это очень приятно, п[отому] ч[то] в данный момент всякие равнодушные и безразличия пагубно действуют.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

4 декабря 1917 г. Петроград.

Письмо Н.П. Химоны, А.А. Рылова, Б.К. Рерих, В.Ф. Белого к Рериху Н.К.

Дом Генец. Рериху.

Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

04.12.1917.

Жизнь общества [в] критическом положении. Разрыв [с] Комитетом. Участвует Александр Бенуа. Необходимы решительные действия, иначе полный крах многолетней работы. Надежда на тебя.

*Химона, Рылов,
[Борис] Рерих, Белый*

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 04.12.1917 в 21 ч. Принята в Сердоболе 05.12.1917.

5 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н.К. Рериха к Бенуа Н.А.

5 декабря, вторник, 1917 год

Дорогой Александр Николаевич,
Не знаю, получил ли Ты за осень два моих письма. Так много писем теряется, что не знаешь никогда, что именно дошло... Всё провалы и проскоки получаются. Здоровье моё всё ещё не ладно. Всё скачки температуры. Не поймёшь, что это – туберкулёз или особая нервная форма. А фокус в лёгком точно лучше. Сегодня я послал нашему Степану Петровичу телеграмму. Просил его хоть на день приехать ко мне. Вчера меня так потянуло к Школе, к обществу. Точно что-то нужно. Точно я что-то должен сказать. Только что я послал туда мой проект Свободной Академии — тех мастерских, о которых я Тебе писал. Надо его провести — этот проект. Кажется, я продумал его детально. Конечно, до осени и думать нечего начинать новое дело. Надо как-то пережить тяжёлое материальное время, а осенью и кликнуть клич.

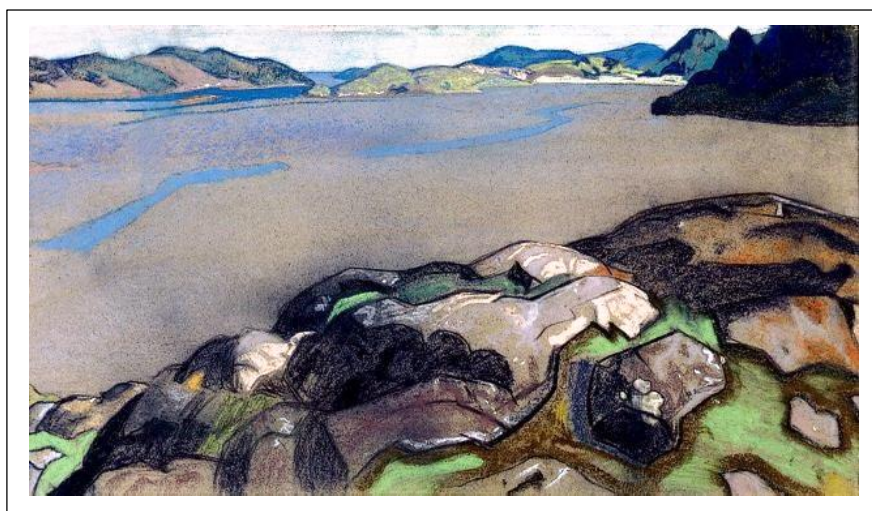
Давно я не слышал о Тебе. «Новую Жизнь» мне уже давно прекратили посылать. А теперь, кроме Дня, ничего не получаю. Да и то не регулярно. Хотелось бы узнать, что Ты думаешь? Чем живёшь духовно? Уже столько лет мы идём, как Ты писал, рядом и храним и защищаем то же искусство.

Когда проклятая температура и боли меня не выводят из строя - я работаю. Несколько вещей удалось. Кроме того, написал мистерию «Милосердие» - хорошо бы найти композитора, который бы приделал музыку. Увидимся - Ты мне посоветуй. *Зимой здесь хорошо — воздух кристальный! Закатные туманы и утренний свет - поразительны.* Удалось прочесть и несколько очень нужных книг. Когда будешь в тишине - советую Тебе их прочесть. Особенно нужно «Провозвестие Рамакришны»; очень серьёзное, а главное — близкое человечеству учение.

Привет наш А[нне] К[арловне] и всем Твоим. Юрик всё ждёт писем от Кони¹. Дружески обнимаю Тебя.

Твой Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 30-31. Помета карандашом: Получено 2/1.1918.

Н.К. Рерих. Северный пейзаж. 1917.

¹ Сын А. Н. Бенуа — Николай – ред.

[5 декабря 1917]
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская 38. Общество Художеств.
Степанову.

ПРОШУ, ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ МОЕГО ПРОЕКТА, ИНТЕРЕСУЮСЬ.
РЕРИХ

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 38. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

[5 декабря 1917]
Телеграмма Н.К. Рериха к Яремичу С.П..

Ответ уплочен 10. Петроград. Морская 38,
музей Общества Поощрения. Яремичу.
Передать немедленно.

Мучаюсь делами Общества. Приехать ещё не могу. Заклинаю искренней дружбой, приезжай ко мне хотя [на] один день. Утром выехать, вечером здесь. Разрешение Пётр устроит. Все расходы мои. Чувствую величайшую необходимость видеться. Обсудим мой проект. Завтра мои именины. Ответ[ь], что приедешь.

Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 29. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

6 декабря 1917 г.
Хроника

Художественные вести

В последнем заседании педагогического совета художественной школы при обществе поощрения художеств обсуждался выработанный директором школы Н.К. Рерихом проект преобразования школы в вольную академию. Педагогический совет отнёсся к проекту Н.К. Рериха сочувственно, однако считает его в настоящее время вряд ли осуществимым. Так как образование вольной академии требует довольно значительных средств, которых нет у школы.

Газета «Наш век». 1917. 6/19 декабря. № 6. С. 4.

6 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,

Вчера я послал Вам телеграмму. Уж очень интересуется меня впечатление Ваше и Комитета от моей Свободной Академии. Идея единства искусства и свободной академии должна привлечь много учащихся, а 4 подготовительных класса, расходуя 6000 р., дадут нам 20 000 р. прихода, ибо в них будет около 200 человек. Главная группа преподавателей перемещается на воскресные классы, которые Обществу ничего не стоят, но зато мы сохраняем всех препо-

давателей и отпадает скучный вопрос пенсий и обиды. Вместо 425 учащих, если общие условия жизни позволят, мы обойдёмся сразу в цифру 500— 600 учащих, т. е. можем обойтись почти без дополнительной субсидии. Сторону истории искусств можно усилить конъюнктурой с Зубовским Институтом — у меня есть обдуманная идея, но предложу её лично. Словом, думаю, что мой опыт и предвидение не обманут меня. Вчера я послал и Ст[епану] Петровичу] депешу; спрашивал, не соберётся ли он ко мне на денёк. Я ему выложил бы мои мысли. Надеюсь, что теперь скоро побываю в Питере и увижусь со всеми Вами. В тишине мысли мои уяснили - к тому же укрепился я прочтением ряда хороших, глубоких книг. Жду Ваших добрых вестей. Привет Ст[епану] Петровичу], Александру] Николаевичу] и В[асилию] Александровичу.

Искренно Вас обнимаю.

Ваш НР.

6 Дек. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 17-18. Автограф письма.

7 декабря [1917 г.] Петроград.

Письмо С.П. Яремича к Рериху Н.К.

7 Декабря.

Дорогой Николай Константинович.

Из твоей телеграммы (по обыкновению запоздавшей) вижу, что тебя страшно беспокоят дела нашего О-ва. Я это понимаю. Отдать значительную часть жизни делу, лелеять его, ухаживать за ним, волноваться, страдать и чувствовать, что оно близится к упадку, - в высшей степени тяжело. И не скрою от тебя - положение наше неважное. Прежде всего Педагогический Сов[ет] оказался не на высоте, а кроме того и наш Комитет довольно-таки обезлюдел. Больше всего жалею, что ты не здесь, мне кажется, что ты во многих случаях нашёл бы правильный выход из создавшегося положением, вдохнул бы жизнь в слабеющий организм нашего О-ва. И, конечно, не Н. П. Химоне справиться с трудным положением Школы. Человек он, безусловно, очень честный и хороший, но он не чувствует и не понимает хода вещей, не замечает движения жизни, не видит, как всё трещит по швам и видоизменяется каждый день. А ему всё кажется, что всё обстоит благополучно и что можно помочь делу обычными способами и обычными приёмами. Как же можно дойти до такого абсурда, чтобы поддерживать мысль Хренова (на Общем Собрании О-ва) о необходимости заложить дом, «а там как-нибудь обойдётся». Разве это выход? Разве могут *так* вести свою линию люди, любящие своё дело, своё учреждение? Если мы не можем производить ликвидации таких пустячных операций, как возвращение по частям беспроцентной ссуды в 40 тысяч, каким же образом можно рассчитывать на то, что, взяв, предположим, под залог дома 500 т. (и кто это в данный момент эти деньги даст?), мы их будем в состоянии «как-нибудь через 2-3 года возвратить»? Вздор и пустяки! Между прочим, такую же позицию занимает и Педагогический] Сов[ет]. И это производит не сказал бы, что важное впечатление со стороны. В особенности злобствует П. С. Наумов. Он не находит слов, чтобы очернить способ действия Комитета, изображая это как две стихии — с одной стороны «угнетённый работник преподаватель», а с другой «хозяин-кунак», т. е. Комитет. И мне неприятно это засвидетельствовать, но по моим наблюдениям, то что высказывает в резкой форме Щаумов], в более лёгкой форме выражает и весь Педагогический Сов[ет]. Тут происходит

основное непонимание художественных задач, и это создаёт такую тяжёлую атмосферу, что часть Комитета (и в том числе и я) начала подумывать, не сложить ли полномочия и не отойти ли в сторонку. Но нам сделалось жаль вещей, которые пропадут зря, сейчас же, как только произойдёт малейший разлад. И некоторые довольно осязательные признаки уже налицо. И признаки довольно гнусного порядка. В то время, как шла «борьба» между Комитетом и Педагогическим Сов[етом] (и я должен сказать, что «чугунные зады» проявились здесь во всей своей стихийной красе), над О-м повисла настоящая гроза. Некий г. Брик² из «С. Д. И.»³ (кажется, чуть ли не друг А. И. Таманова) с одним футуропоэзописом начали собирать подписи художественного пролетариата с целью захватить в свои руки «хорошо оборудованную школу» О[бщества] П[оощрения]. Я думаю, что это дело увенчалось бы успехом, но появились на сцену наши учащиеся, и одно это появление разбило все махинации поэзописов. Они предлагают, чтобы помещение школы было сдано им на льготных условиях, т. е. даром, конечно. Было обещано рассмотреть их предложение. Учащиеся, главным образом, против платы. Они просят помещение, отопление, освещение и модель. Раздаются также голоса о необходимости устройства клуба и ночлежки и предоставление в их распоряжение Музея. Насчёт столовой молчат, да и о какой столовой можно теперь говорить? Письменного заявления в Комит[ет] ещё не поступало от учащихся, и мы не знаем, что следует дальше.

О проведении в жизнь каких бы то ни было проектов, даже самых простых, и думать нечего. Нет материала, нет средств, нет людей. Проект Свободной Академии сконструирован прекрасно, широко, действительно свободно, но для его осуществления необходим мирный уклад жизни, а кроме того, и настоящий темп жизни. А именно в данный момент этого-то и нет. Умирание решительно во всём, и это сказывается и на нашем О-ве. Каждый только и думает о своих микроскопических личных выгодах, что касается общих линий, общих идей, то до них нет никому никакого дела. Порой чувствуется такая пустота, что, оглядываясь вокруг, не узнаёшь издавна знакомых мест.

Видался с А. А. Ростиславовым. Он говорит, что ему неизвестно, в каком положении дело о наследстве С. П. Крачковского, и предпринять какие бы то ни было меры он лишён возможности. А. В. Руманов на нас обиделся и не кажет глаз, так что мы теперь и без юрисконсульта, и трудно сказать, будем ли и когда обладать собранием картин Крачковского.

Что удивительнее всего, так это то, что у нас блистательно идёт продажа на постоянной выставке - каждый день плывут вещи, не успеваю добывать материал. Начиная с 1 окт. и до 7 дек., продано вещей на 22 тыс. Аукционы тоже идут удивительно живо.

Картины, о которых говорила Елена Ивановна, смотрел, они не представляют никакого интереса: одна из них работы Verdier («*eleve de Charles de Bagn*»⁴, как гласит подпись на обороте), а другая копия с Сасофферато. Да, забыл сказать: картины и худож. предметы уходят, главным образом, в Финляндию. Передай, пожалуйста, мой привет Елене Ивановне. Поклон молодёжи.

Твой С. Яремич

² «ученик Шарля лё Брюна» (фр.).

Ужасно жалею, что не могу к тебе приехать, но когда мне Пётр изложил всю сложность процедуры поездки в Финляндию, я увидел, что это мне не под силу. Фотографии, хождения по разным полицейским казематам — это ужасное отвращение.

Твой С. Яремич

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

**8 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма И. М. Степанова Рериху Н. К.**

Академику Рериху.
Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

ОДОБРЕН. ИЗБРАНА КОМИССИЯ. СТЕПАНОВ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 08.12.1917 в 15 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 09.12.1917.

**8 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма С.П. Яремича Рериху Н. К.**

Академику Рериху.
Финляндия. Сердоболь. Sordavala.

ПРИЕХАТЬ НЕ МОГУ. ЗАТРУДНЯЮТ ФОРМАЛЬНОСТИ. ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ.
ЯРЕМИЧ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 08.12.1917 в 15 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 09.12.1917.

**[9 декабря 1917 г.] Сердоболь
Телеграмма Рериха Н.К. Степанову И.М.**

Петроград. Морская 38. Общество Поощрения.
Степанову.

ПРОШУ ОТЛОЖИТЬ ОБСУЖДЕНИЕ МОЕГО ПРОЕКТА КОМИССИЕЙ ДО ЯНВАРЯ. ПРИЕДУ САМ. РАДУЮСЬ ОДОБРЕНИЮ ПРОЕКТА. БЛАГОДАРИЮ [ЗА] ВАШЕ ДРУЖЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ.
РЕРИХ

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 43. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

**10 декабря 1917 г. Петроград.
Телеграмма Б.К. Рериха Рериху Н.К.**

Сердоболь. Sordavala. Срочная. Гениц.
Рериху. Финляндия.

10/XII.1917.

КОМИТЕТ РАЗОГНАЛ СОВЕТ. НЕОБХОДИМЫ РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ [ДЛЯ] СПАСЕНИЯ
ОБЩЕСТВА. ПОЛОЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЕ. ТЕБЕ НУЖНО ПРИЕХАТЬ.

Бор[ис], Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 10.12.1917 в 9 ч. 40 мин. Принята в Сердоболе 10.12.1917.

10 декабря 1917 г.

И ЛЮБОВЬ

Что случилось с дружбой!
Когда я допущен был
в обитель стовратную!
Если друг Твой, некогда
милый Тебе, прогневал Тебя,
не карай его, Мощный,
по заслугам его. Все говорят,
что Ты отвратился? Когда
утешенный сердцем увижу
Тебя примирённым? Прими!
Источник слов моих знаешь.
Вот грехи и добро моё.
Я приношу их Тебе.
Вот знание и невежество.
Возьми и то и другое.
Преданность Тебе мне оставь!
Вот чистота и скверна!
Я не хочу ни того, ни другого!
Вот добрые и злые помыслы.
И то и другое я Тебе приношу.
Сны, вводящие в грех, и
сновидения правды я Тебе отдаю.
Сделай так, чтобы осталась
у меня к Тебе преданность
и любовь.

10.XII.1917

Цветы Мории. Берлин. 1921.

**11 декабря [1917 г.] Петроград.
Письмо В. Ф. Белого к Рериху Н.К.**

Сердоболь.
Kummela, дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

11/XII.

Дорогой Николай Константинович,
Дела в О-ве приняли очень дурное направление. Ученики предполагают устроить на Мойке интернат. Большая угроза квартирам. Приложу все силы не допустить их. Буду действовать решительно, хотя уверен, что не получу поддержку со стороны некоторых лиц. Всё это очень грустно и печально. Купил и отослал от Вас валенки и рукавицы. Имею квитанции. А. Ф.⁵ на днях будет освобождён от воен[ной] службы. Сейчас это большое счастье. Будем вместе действовать. Бог поможет, и будет хорошо.

Сердечный привет семье. Нет хозяина, и дело плохо. Преданный

В. Белый

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 13.12.1917, в Сердоболе 04.01.1918. Стоит штамп военной цензуры.

**14 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо И. М. Степанова к Рериху Н.К.**

14/XII.1917.

Дорогой Николай Константинович.

Не уверен, получили ли Вы два мои заказные письма, посланные после 3 и 12 Ноября по школьным вопросам, и потому пишу Вам, пользуясь случаем отъезда моих знакомых в Сердоболь. Вместе с тем, обращаюсь к Вам с просьбою не отказать дать совет супруге моего сослуживца Баронессе Вере Константиновне [*фамилия неразборчива*], возможно ли при теперешних условиях устроиться ей с детьми в Сердоболе.

Что Вам сказать. Самочинству и бесчинству, которые здесь происходят, нет названия. Когда Вы приедете в Питер - не узнаете его ни с внешней, ни с духовной стороны.

Нельзя сказать, чтобы и в делах нашего Общества всё гладко шло, и мы в своих заседаниях, стремясь к сохранению Общества, не избежали эксцессов, хотя к тому не было никаких оснований; одно можно сказать, что люди волновались не из личных интересов и не из желания внести в дело интригу, которым у нас нет места, но есть какое-то неуловимое для меня недоразумение. Я уже писал Вам, что оставаться без Председателя или Тов[арища] председателя неудобно, но я уверен, что если бы Вы были здесь, то всё проходило бы, как нельзя быть лучше. Это мы знаем из опыта.

Жизнь здесь идёт кувырком, и сегодняшний день не похож на вчерашний, и так каждый день, и этому не видно конца.

Вчера поступило заявление учащихся Школы с подробной программой передачи им помещения Школы для занятий по искусству, а перед этим были

⁵ Белый А. Ф.

сведения, что какие-то современные типы (может быть, Маяковский, и ещё кого-то называли) хотели самочинно занять Школу для занятий кубистов, считая, что Школа устарела. По этому поводу Ст[епан] Петр[ович] собирался писать Вам подробно.

Средства наши плохи, мы выдаём жалование преподавателям из денег, которые к нам поступили за картины выставки. Во второй половине учебного года мы не можем рассчитывать на получение субсидии из М-ва Торговли и Промышленности, которое, кстати, большевики упразднили, да и за этот год мы не можем получить остальных денег, а в Декабре не знаем, как платить жалованье. У нас с Ст[епаном] Петр[овичем] есть надежды на поддержку от аукционов и выставок, а также изданий. Уже почти два месяца идёт разборка «Художе[ственных] Сокровищ». Мы разыскиваем 1906 и 1907 г. и подбираем разрозненные экземпляры. Хотелось бы сыскать 3-4 комплекта в 1906 и 1907 гг., чтобы продать их, по крайней мере, по 500 р. [за] комплект. Красному Кресту в выдаче журнала отказали и возвратили остаток денег. Подберём и объявим у себя продажу.

Как Вы здравствуете? Надеюсь, живя в тишине, несколько поправились, а мы живём, как на вулкане, и, несмотря на это, я увеличиваю своё собрание. Теперь у меня есть классики в старых изданиях.

Может быть, пригодится для Вашей библиотеки География времени Елизаветы, напечатанная] при Разумовском. В этой географии любопытна награвированная карта. Где Россия, там напечатано: «Страна неведомая». На первой карте люди дошли «до Геркулесовых Столбов» и написали: «не дале».

Надеемся видеть Вас скоро здоровым и бодрым.

Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

По делу Крачковского я написал А. А. Ростиславову официальное письмо. Ответа не получил.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Автограф письма.

[15 декабря 1917 г.] Сердоболь
Письмо Н.К. Рериха – Комитету ВОПХ.

Петроград. Морская, 38.
Комитету общества поощрения художеств.

Спасением Школы [и] сохранением Общества прошу найти объединённое решение продолжать занятия школы без перерыва. Разрешить преподавателям заниматься по вольной записи учащихся осеннее полугодие. Всякий перерыв занятий грозит бедствием лишения помещений. Прошу телеграфировать после Комитета, успокоить меня решением продолжения занятий. Прошу именем искусства найти объединённое решение. Среди бедствий взаимным вниманием сохранить свободный дружный очаг искусства.

Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 46. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

15 декабря 1917 г. Сердоболь
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград.
Морская, 38. Общество Поощрения.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Будьте добрый, сообщите подробности постановления о проекте. Уже 2 недели не имел весточек. Жду и письмо С[тепана] П[етровича]. Надеюсь приехать в начале Января. Хорошо, если бы с 1 Янв. Пётр потопил мою квартиру (спальню и столовую) - верно, холодно! Хорошие Вам праздники.

Здесь уже праздники прошли. Я очень рад, что доктор меня выпускает в начале Января. Всего светлого Вам желаю. Привет С[тепану] Петровичу.

Ваш НР.

15 Дек. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 20-20об. Автограф письма на ч/б открытке. Штемпель неразборчив.

[15 декабря 1917 г.] Сердоболь
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38. Общество Поощрения.
Степанову.

БЛАГОДАРИЮ ПИСЬМО. РАД, [ЧТО] ПОМОГ ВАШИМ ЗНАКОМЫМ. ПРОШУ КОМИТЕТ ОБЪЕДИНИТЬСЯ [И] ВЫНЕСТИ ДРУЖНОЕ РЕШЕНИЕ СПАСЕНИЯ ШКОЛЫ. ВСЕ ДРУЗЬЯ, ПРИГЛАШЁННЫЕ МНОЮ, ДРУЖНО ВЗАИМНО ПОВЕРЯТ. РЕРИХ

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71, д. 57, л. 13. Телеграмма из Сердоболя.

16 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П.

Дорогой Степан Петрович,
спасибо Тебе за Твоё хорошее письмо. Мы с Тобой чувствуем то, что от многих других ускользает. И Ты прав, говоря, что мы не можем отклоняться от дела во имя искусства, во имя предметов творчества. Время такое трудное, так всё разваливается, так велика злоба поднявшаяся - что всякое строительство поникает. А ведь мы не можем не строить, не создавать. Так больно, что и то дело, которое поглотило особенно много труда и особенно отвлекало, - и то шатается. Ох, чугунные зады! Ох и мой брат, который как секретарь Школы не извещает меня с 6 Ноября. Ох, огорчает он меня. Конечно, о П. С⁶ и говорить

⁶ Павел Семёнович Наумов – художник, преподаватель школы ОПХ в этюдном и воскресных классах.

нечего - этот выродился в определённый тип. Руманов не отвечает мне с 17 октября - на все запросы о деле Крачковского. Тут не обида, не лень, а чёрт знает что! Человек нам душу свою завещал, а тут не добиться ответа. Попроси Ростиславова письменно (сняв и сохранив в деле копию) запросить Руманова. Пусть в деле будут следы наших шагов. Хотя кто теперь утверждает духовные? И кем хранятся эти дела? Не знаю. Мы проходили гладким путём, теперь пройдем стремнинами и утёсами. Я страшно рад, что за это время прочёл ряд книг — очень нужных, очень укрепляющих.

Что за тип Таманов? Неужели он вдруг неожиданно процвёл так махрово? Воображаю, как должно действовать многое на Ал[ександра] Ник[олаевича]. Сеяли, сеяли, а жатва? Хочется мыслить как-то особенно явно во благо искусства. Спасибо за мнение о моём проекте. Ты отметил то, к чему я стремился. В Январе приеду. Доктор позволяет съездить. Берегусь, чтобы температура опять не повысилась. Спisyваюсь с Лагорио, хочу привезти и его голос. Какой ужас - заложить дом! Ведь мы знаем, из чего можно погашать эту сумму! Тогда уже бесповоротный крах. Теперь ещё можно думать о сокращении, о сдаче новых помещений, о доходных продажах с выставок и аукционов. А тогда? Пишу как раз во время Комитета, куда послал телеграмму⁷. Завтра надеюсь получить ответ⁸. Хочется блага, хочется строительства! Чувствуешь, как хочется? Ведь в России так бедна линия искусства! Так мало сознание, что искусство строит будущую культуру. А что нам культура?.. Господи, просвети народ, открой ему, что есть свобода и знание. Уже две недели я выбит из колеи. Не работается. Всё хотел ехать в Питер. Спорил по этому поводу. Но, пожалуй, доводы здоровья теперь особенно важны; остаётся голова и две руки — всё это нужно. Больше ничего не остаётся! Крепко Тебя обнимаю. Сохрани Тебя Господь. Надеюсь, в Январе увидимся.

Привет И[вану] М[ихайловичу]. Передай привет Химоне, - он хороший человек, я рад, что Ты это видишь. Сердечно Твой

Н. Р.

16 Дек. 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 26-27об. Автограф письма.

Н.К. Рерих. Карельский этюд. 1917.

⁷ Телеграмма Н. К. Рериха Комитету ВОПХ.

⁸ По поводу Школы ВОПХ Комитет постановил «считать Школу временно закрытой»

16 декабря 1917 г. Сердоболь
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Дорогой Иван Михайлович,
спасибо за хорошее письмо и за книгу. Рад был помочь Вашим симпатичным знакомым. Тревожусь делами Общества, Школы. Необходимо продолжить занятия без перерыва, чтобы не дать захватить Школу, как Вы пишете. Надо дать преподавателям работать по вольной записи, иначе мы лишимся *помещений*, а в ближайшем будущем лишимся и ещё *разных возможностей*. Смутно слышал о трениях. Мучаюсь ими. Вы все, приглашённые мною, - мои друзья, и среди вас не должно быть разногласий, недоразумений. Лучше всего - пригласите 3 выборных от Педагогического] Совета и Н. П. Химону, конечно. Покажите им денежное положение Общества, чтобы не было разговоров, что денежное положение им не знакомо. Это (весеннее) полугодие пусть идёт сокращённая работа по вольной записи, а с будущей осени начнём Своб[одную] Академию. Здоровье моё - лучше. Если будущий год будем живы - надеюсь приехать уже к 1 Августа и всё лично наладить. Теперь приеду 9-10 Января - установим Устав Академии и установим смету, поговорим о сдаче помещений в доме Общества - нашему соседу, и произведём выборы состава Академии. За это время я снесусь с Лагорио, узнаю его голос и его мысли.

Конфиденциально сообщаю Вам и Ст[епану] Петр[овичу] (для блага вашего общего дела), что лучше в Комитете не председательствовать В[асилию] Александровичу]⁹. Мне так хочется устранить все трения, так хочется мыслить явно лишь во благо дела искусства. Все зародыши недоразумений надо отметить. И Химона очень хороший человек и товарищ, и к Вам расположен. Меня звал в Общество Григорович, и я дал ему слово это дело не бросать. И я не брошу Общества, как только поправлюсь. С моими лёгкими сейчас можно опять получить большую неприятность. Здесь на морозном воздухе всё восстанавливается.

Приеду в Январе - наладим всё, Бог даст. Потом опять сюда, а там и весна. Как ни странно - мне было вредно прошлое жаркое лето. После жары сразу захватила холодная осень, и началось у меня! Всё это ещё усугубляется нервной почвой. А у кого теперь нервы в порядке!

Рад, что мой проект Академии Вам понравился и одобрен. Мне нужно было совместить массу жизненных заданий и в то же время не нарушить принципа свободы. Это, кажется, удалось.

Так хочется, чтобы всё шло явно, дружно. Могут быть взаимоубеждения, но не должно быть столкновений. Вы, вероятно, оценили мои соображения Комитету и обращение к Педагог[ическому] Совету.

Дай Вам Бог всё доброе.

Ваш Н. Р.

16 Дек. 1917.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 71 д. 57, л. 14-15об. Автограф письма.

⁹ Щавинскому

18 декабря 1917 г. Петроград
Телеграмма Б. К. Рериха к Рериху Н.К.

Гениц, Рериху.
Сердоболь. Sordavala.

СОВЕТ ЕДИНОДУШНО ПРИНЯЛ ПРОЕКТ. ПОКА ОБЪЕДИНЕН[ИЕ] КОМИТЕТА. ВСЕ ЩА-
ВИНЫ ПРОЕКТ ПЕРЕДАЛИ КОМИССИИ. ШКОЛУ ЗАКРЫВАЮТ, ПЕРЕДАЮТ УЧАЩИМСЯ. АРКА-
ДИЙ¹⁰ ПРОБУЕТ СОГЛАШАТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА. МОЙ ПРИЕЗД ОСТАНАВЛИВАЮТ ЗАСЕДА-
НИЯ. ХОТИМ ОХРАНИТЬ ТВОЮ РАБОТУ, ИНТЕРЕСЫ. ПРЕДУПРЕЖДАЛ ПРАВИЛЬНО.

БОРИС

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 18.12.1917 в 17 ч. 30 мин. Принята в Сердоболе 19.12.1917.

[19 декабря 1917]. Сердоболь
Телеграмма Н. К. Рериха - Степанову И. М.

Петроград. Морская, 38.
Музей. Степанову.

ПРОШУ, ТЕЛЕГРАФ[ИРУЙ]ТЕ ОТВЕТ КОМИТЕТА [НА] МОЮ ДЕПЕШУ. РЕРИХ

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 49. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

[21 декабря 1917]. Петроград
Телеграмма И. М. Степанова — Н. К. Рериху

Рериху.
Финляндия. Сердоболь.

УЧЕНИКАМ ПРЕДЛОЖЕНО ОБРАТИТЬСЯ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОВЕТУ ВЫРАБОТАТЬ
УСЛОВИЯ. СТЕПАНОВ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Телеграмма рукописная на бланке. Подана в Петрограде 21.12.1917, принята в Сердоболе 22.12.1917.

22 декабря 1917г. Сердоболь.
Открытое письмо Н. К. Рериха к Ростиславову А.А.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу,
прошу переслать Александру Александровичу Ростиславову.

¹⁰ А.А. Рылов – ред.

Дорогой Александр Александрович,
на время моей болезни прошу Вас заступить моё место первого душеприказчика по наследству С. П. Крачковского. Дело поручено прис[яжному] пов[еренному] А. В. Руманову. Вопрос возрастания расходов ввиду отсрочки утверждения завещания и вопрос охраны имущества меня очень тревожит. Надеюсь, что здоровье позволит мне быть в Питере в Январе. Напишите мне — обрадуется. Адрес: Сердоболь. Дом Генец.

Преданный Вам

Н. Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 28-28об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 22.12.1917. Стоит штамп: вскрыто В. ценз. № 1633.

[22 декабря 1917] Петроград.

Открытое письмо Н. П. Химоны к Рериху Н. К.

Финляндия. Сердоболь, дом Генец.
Николаю Константиновичу Рериху.

22 Дек.

Дорогой Никол[ай] Константинович. Меня страшно волнует и беспокоит, что ты не получаешь известий. Всё тебе послано. Твои письма от 14 Дек. (3 пис.) получил только вчера, а заказное и две открытки только сейчас. Телеграммой не послали постановление Педагогического Совета потому, что она приветственная. Раскола в Педагогическом] Сов[ете] нет — он единоклубен, как никогда. Отдельные члены Комитета всё дело портят: вошли с учениками в переговоры - деморализовали их вконец. Вчера был Педа[гогический] Совет и экзамены, закончивший занятия на это полугодие. Постановлено начать занятия с 9-го Января 1918 г. в полном объёме с платою в 30 р. Будет сделан референдум, т. е. записи предварительные, т. к. среди учащихся раскол. Сегодня в 3 часа Комитет. Подробно напишу сегодня вечером. Целую.

Твой Химона

Привет всем.

Боря неаккуратен в переписке.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 25.12.1917, в Сердоболе неразборчив. Стоит штамп военной цензуры: 11 янв. 1918.

22 декабря [1917] Петроград.

Письмо Н. П. Химоны к Н. К. Рериху

22 Декабря.

Дорогой Николай Константинович.

Меня страшно тревожат Твои телеграммы и письма, в которых ты про-
сишь сведений и фактов. Конечно, всё это ужасно и для тебя, видно, мучи-

тельно, я понимаю это, но что поделаешь, когда всё так глупо, бестолково сложилось.

Единодушное постановление Педагогического Сов[ета] Борис Конст[антинович] почему-то не послал телеграммой (находил, что такую телеграмму не примут), а послал по почте (надеюсь, что Ты получил уже). Откровенно должен сказать Тебе, что, придя в отчаянное положение, я или, вернее, мы - четверо - послали Тебе телеграмму и были уверены, что Ты немедленно приедешь, и в ожидании ничего не писали Тебе, отчего и получился такой перерыв-интервал в переписке.

Отчаяние же произошло вот отчего. Щавинский и С^о вступили в отдельные переговоры с некоторыми из учащихся, и в результате появился в Комитете О-ва проект Школы, написанный учащимися, в котором они просят Комитет сдать им помещение Школы и они будут полными хозяевами, - словом, дичь такая, что дальше идти некуда, и эти господа Щавинские серьёзно стали защищать этот проект. Я разозлился, назвал их выходку приказом № 1-й и ушёл из Комитета, заявив, что не желаю даже разговаривать. Комитет состоял из: Щавинского, Яремича, Верещагина, Степанова, Бори и меня. Этот Комитет был сорван нами. Собирается другой - уже в большем составе + Типольт, Гнедич и Руманов. Можешь представить себе - после долгих споров стали голосовать две формулы одна - Руманова - передать в Педагогический Совет, чтобы вместе с учащимися обсудить и прийти к соглашению для продолжения занятий на следующее полугодие 1918 г. - Только двойной голос Председателя (Типольт) дал перевес в нашу пользу. Но это ни к чему не привело.

Учащиеся, или, вернее, та ничтожная часть из них, которым терять нечего, почувствовав поддержку со стороны Щ[авинского] и С^о, упорно держится на своём, и соглашение, конечно, не произошло в Педаг[огическом] Совете с ними, т. к. Педагогический] С[овет] нашёл, что он не полномочен делать коренное изменение устава.

Но, я повторяю, это желание только части учащихся. Среди них раскол, поэтому мы не придаём большого значения этому и хотели выяснить настоящее мнение учащихся, прибегнув к референдуму, - т. е. посредством записей предварительных, если Комитет предоставит нам, т. е. Педаг[огическому] Совету, вести Школу самостоятельно, не вводя О-во в расходы, - но Гг. Щ[авинские] со зловредным упорством противятся и настаивают на передаче таковой учащимся. Сегодня в Комитете были длинные разговоры. (Почему-то притащили на этот Комитет и Алекс. Бенуа.) После всего решили так: устроить такое соединённое совещание: Комитет О-ва, 10 - представителей от Педа[гогического] Сов[ета] и 10 — от учеников на 3-ье Января в 3 ч. дня, а 2-го Янв. Комитет, который подготовит доклад для этого (редакция Руманова).

Николай Константинович, ты извини меня за это несвязное, бестолковое письмо, но, поверишь ли, я так устал от всего, что чувствую себя отвратительно и физически, и морально. Всё мне представляется беспросветным, распавшимся и погибшим навсегда, я только лишь потому проявляю некоторую деятельность, что вижу ещё единодушные сплочённости в Педа[гогическом] Совете. Минутами безумно хочется уйти подальше от всего, чтобы не слышать, не видеть, как гибнет то, что создано на моих глазах.

Ты собираешься приехать числа 8 Янв. Не можешь ли ускорить свой приезд на несколько дней раньше, т. е. к 3-му Янв., чтобы быть на соединённом заседании Комитета? - можешь спасти дело.

Мне кажется, Тебе излишне ждать от нас фактов и сведений - теперь всё ясно. Общее собрание постановило прекратить отпускать средства на Школу с 1-го Янв. 1918 г., а о роспуске преподавателей ничего не говорится, т. к. Мастерские остаются и будут существовать на субсидию. Всё это и создало неопределённое положение: есть ли Педаг[огический] Совет, или нет, или какая часть его остаётся. Борис Конст[антинович] к Тебе не приедет. Известит Тебя телеграммой. Ни жена, ни я отсюда уезжать не думаем - всё очень дорого.

Итак, до скорого свидания.

Всего не описать - узнаешь на месте. Привет Ел[ене] Ив[ановне] и молодцам. Целую Тебя.

Н. Химона

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

**[22-23 декабря 1917] Петроград.
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху**

Дорогой Коля!

С Праздником. С Новым Годом! Бог повернёт Новый год к лучшему.

Сейчас получил твоё письмо, полное тревоги. Как всегда, переписка телеграммами и черепашьей почтой ведёт к непонятностям.

Твой проект Свободной Академии Художеств радостно принят всеми преподавателями в Совете, да ведь иначе и быть не могло. И только представители учащихся не согласились с первоначальной редакцией телеграммы тебе, где было сказано о единодушном принятии твоего проекта. Они заявили, что они не уполномочены принять проект, как он есть.

Их смущает, конечно, плата 75 р. и что-де не сказано в проекте «какая роль учащихся». Поэтому и пришлось составить телеграмму только о единодушном приветствии тебя (я забыл, как телеграмма была составлена). По моему глубокому убеждению «роль учащихся» - учиться. Им объяснили, что сама жизнь покажет в новой Академии роль учащихся. Так же, как она привела в Педаг[огический] Совет делегатов от учащихся с Марта 1917 года. Никакого раскола и равнодушия среди преподавателей нет. У всех одна мысль - спасти Школу всеми средствами.

Теперь о Комитете:

Яремич, Щавинский, Верещагин (казначей) и Степанов задумали закрыть школу, чтобы освободиться от Педагогического Совета, дорого стоящего, а потом открыть снова, но в типе Парижской Академии Кормона и т. п., с двумя преподавателями, директором, инспектором и секретарём. Мне напоминает это: старый многоглавый деревянный храм, требующий постоянного ремонта, решено из экономии сломать и построить маленький одноглавый в современном стиле. Какое заблуждение! Яремич, вероятно, убеждён, что мы все рутинёры, не знаем о Кормоне, а он более сведущ в этом деле — «4 года жил в Париже», как постоянно напоминает нам Щавинский. Он, Яремич, думает, что он ближе к искусству, чем мы, он друг Бенуа, он критик, и я подозреваю его в желании стать во главе школы а la Кормон. (У Штиглица¹¹ директором Добужинский, он переменил весь педагогический персонал.)

¹¹ Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Петрограде.

Я в качестве Действ[ительного] Члена хожу в заседания Комитета. Т. к. Общество (собрание Действительных Ч[ленов]) постановило «прекратить выдачу средств на Школу, а субсидии обратить на содержание Мастерских при Школе», то твой брат (молодчина), Химона и я всё время доказывали Комитету, что это постановление не выражает закрытие школы. При мастерских должны быть рисовальные классы. Педаг[огический] Совет запросил Комитет: «в каких суммах Комитет отказывает Школе», чтобы сообразно с этим составить план занятий на следующее полугодие. Нам эти четверо разъяснили на словах, что школа закрыта, но мы не согласились с этим расшифрованием постановления Общего Собрания, учащиеся подали заявление в Комитет о сдаче им помещения. Они хотели там сами преподавать, устроить клуб и пр. «Четверо» пошли было им навстречу.

В Комитете суетливый мямля Степанов прочёл это заявление учащихся. Я заметил, что это начало социализации Общества. Все расширенными глазами и полураскрытыми ртами изобразили паузу. Председательствовавший Типольт, а также Руманов и Гнедич горячо протестовали против сдачи помещения учащимся. И это удалось «отклонить». Постановлено Педагогическому Совету обсудить вопрос о продолжении занятий в Школе совместно с учащимися. А на прошлом Комитете был заслушан твой проект и решено передать его в особую комиссию (Яремич, Алекс. Бенуа, Химона и ... кажется, Гнедич).

Вчера после экзамена на Педагогическом Совете мы не согласились с проектом учащихся, а постановили открыть занятия в Школе 8-го января на прежних основаниях с платой 30 р. в полугод[ие]. На праздниках откроем предварительную запись учащихся.

Настроение учащихся за последние дни сильно изменилось в нашу пользу. Все хотят заниматься с прежним Педагогическим персоналом. Делегаты нам выразили благодарность, но предложили нам свои условия, неприемлемые для нас. Там опять говорится о «роли учащихся», о Комитете Школы, состоящем из учащихся и учащихся поровну, который будет приглашать и увольнять преподавателей, и т. п. В самой делегации заметен раскол и сознание несостоятельности своего проекта, но они не уполномочены уступать, собрать же им ещё сходку сейчас трудно, когда кончились занятия, и потому они вынуждены остаться при своём проекте, а мы делаем предварительн. запись с «30» руб.

Труд наш будет оплачиваться платой за ученье. Сколько кому придётся - пропорционально. Пускай это будет вдвое меньше того, что мы получаем. Надо будет широко объявить об открытии. Посмотрим, что выйдет. Делегаты несколько другие - вместо Маршевой¹² - какая-то симпатичная девица (кажется, молодая дама), всецело нам симпатизирующая.

Т. к. эти четверо из Комитета находили возможным дать учащимся освещение и отопление, то, стало быть, весь вопрос только в содержании учащихся и натурщиков, что мы и надеемся покрыть платой за ученье. Уменьшить плату с 60 до 30 р. пришлось ввиду того, что опять-таки эти «четверо» готовы были согласиться брать с учеников плату по 2 ½ руб. в месяц, и по 2 ½ руб. ученики хотели вносить в фонд по их школе, т. е. 5 р. в мес[яц] или 20 р. за четыре месяца (бесплатных, конечно, не могло бы быть у них).

¹² Маршева — член Комиссии учащихся школы ВОПХ.

Не желая прерывать занятия в Школе до её реформы, до Свободной Академии, Педаг[огический] Совет и открывает запись учащ[ихся] на будущее полугодие.

Жаль, нет Лагорио. Жаль — нет тебя здесь. Всё бы это шло тогда гладко и быстро. Молодчина твой брат, он яро отстаивает школу от нападения этих четверых. Ну и Яремич — я не ожидал! При тебе он такой тихий. Меня он, видимо, сильно смущает, а Щавинский на первом Комитете закрывал своё лицо от меня рукой. Химона чувствует под ложечкой боль и потому вял в этом деле, в особенности по сравнению с твоей кипучестью, изобретательностью и творческим даром.

Узнав, что Комитет готов сдать помещение школы группе учащихся и уволить преподавателей, одна ученица, Фурсевич, написала на листе своё желание о существовании школы при прежнем педагогическом Совет[е], которому выражает доверие. И со своей подписью положила этот лист на стол к Елиз[авете] Густ[авовне]. Сейчас же к её подписи присоединилось множество других, и даже такой, как Борисов, подписался. Но потом другие ученики настояли на уничтожении этих подписей, а, написав то же самое, подписали: «вся школа».

Вот я нарисовал тебе картину состояния нашего школьного дела. Я думаю, тебе всё понятно теперь. Сегодня Комитет, к сожалению, я не могу на нём быть из-за флюса (не могу рта закрыть) и лёгкой простуды. Настроение у меня, слава Богу, бодрое, оптимистическое. Я большой оптимист.

Главное, надо укротить «Яремича, что ты, когда приедешь, легко сделаешь. А делегатам будем внушать их роль - учиться и хлопотать пособия, а в педагогическое дело не вмешиваться, т. к. учащиеся - элемент скоропреходящий, неответственный и некомпетентный, по молодости своей легко ошибающийся. Нынче они сами отказались присутствовать на экзамене, заявив, что они не считают себя компетентными в этом деле.

Жаль, нет Билибина, а то бы школу можно вести во всей почти полноте.

Интересно, что сегодня скажет Комитет по поводу нашего решения. Ну вот, до свиданья. Не хворай, поправляйся.

Я думаю, что вдали твои волнения сильнее, когда ты не видишь всего своими глазами. Привет и поздравления глубокоуважаемой Елене Ивановне. Целую Тебя.

А. Рылов

[Продолжение написано на следующий день:]

Сейчас узнал от Химоны, что было на вчерашнем Комитете. Комитет устраивает 3-го Янв. совещание из 10 учащихся и 10 учащихся + члены Комитета по вопросу о школе. Наше постановление о начале занятий 8-го января с 30 руб. некоторые члены комитета называют «декретом».

Вообще, главная цель некоторых членов К-та — избавиться от всего педаг[огического] персонала, чтобы потом устроить всё по-своему. Жаль мне наш старый, испытанный бурями корабль.

Трудно ему бороться со штормом, когда капитан болен и находится на берегу. Мы в Комитете всеми силами старались оттянуть ликвидацию школы до твоего приезда, а болезнь твоя старается оттянуть твой приезд, который бы спас нашу школу и вывел бы корабль в доброе море. Теперь, я думаю, всё пропало. Конечно, пропало не всё. Будет школа, но другая, в руках Алекс. Бе-

нуа, который уже показывается на заседаниях Комитета, как акула возле мученика-корабля.

Плохо, что и Лагорио нет.
(Яремич получил прибавку 1500 р.)
Ну что ж - кончаем наше плаванье.
Будь здоров.

Твой А. Рылов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

23 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо И. М. Степанов к Н. К. Рериху

23/ХП— 1917.

Дорогой
Николай Константинович.

Прежде всего, самые лучшие Вам и Вашему семейству пожелания при наступающем новолетии. Неужели этим годом не кончатся наши невзгоды? Нас уверяют оптимисты, что кончатся, и даже в ближайшее время.

В нашем Обществе, слава Богу, почувствовался перелом. Примирителем, надо сказать правду, явился А. В. Руманов, и вчерашнее заседание прошло уже более гладко. Он находит, что целиком пренебречь заявлени[е]м учеников при теперешних условиях нельзя и что заявление учеников, с которым они обратились в Комитет, нельзя назвать неприемлемым, поэтому нужно найти средину между преподавателями и учениками.

2 Января для этого назначено заседание Комитета, а 3 Января заседание с представителями от преподавателей и учеников. Этот выход, внесённый А. В. Румановым, всех удовлетворил. Он был только в последних двух заседаниях, и предпоследнее заседание, по форме прений, доходивших до колкостей, было для него настолько неожиданным, что он собирался лично у Вас побывать, но вчера, по-видимому, дело повернулось к лучшему.

Вам ведь отлично известно, что в этих спорах ни у кого нет личных интересов[ов]. Комитет стремится только, чтобы сохранить Общество. Н. П. Химона недоволен, зачем члены Комитета выслушивают учеников Школы, но как же быть, ученики с самого начала учебного года приходят в Канцелярию Комитета за справками, интересуются отчётом и сметой, многие из них люди уже почтенного возраста; нельзя же говорить с ними, как со школьниками младших классов. Не такие теперь времена. В последнем заседании было высказано, что могло быть хуже - теперь никто не удивится, если бы ученики явились с «красногвардейцами». Последнее заявление учеников подано в довольно мягкой форме. Вот всё, что произошло у нас.

Надеемся, если Вам здоровье позволит, скоро повидать Вас здесь. Будем бесконечно рады.

Всего Вам лучшего. Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

[1917 г.] Петроград.

Письмо П. А. Путятина к Н. К. Рериху

Дорогой друг Николай Константинович,

Не знаю, когда к Вам дойдёт моё письмо, и дойдёт ли исправно при современной путанице. Дуня¹³ писала раза три и не получила в ответ от Ляли ничего. Верно, письма пропадают. Поправилось ли Ваше здоровье, и приедете ли Вы в наш милый град Питер, который по случаю дороговизны и пр[очего] порядочно повытирает бока. Мы, как знаете, это время к старости порядочно терпим. Сначала сгорел дом в Бологом. Потом страдания за дочерей и их мужей. Наконец, разные недомогания и так далее. Просто жизнь делается адом. Что Юра и Светик, как они проводят время? Относительно науки могу одно сказать - теперь она принижена, и только иногда бывают учёные доклады в обществах, но на них, по случаю трудностей в трамваях и пр[очего], часто невозможно попадать. Кроме того, моя 80-тилетняя голова не выдерживает все эти давления судьбы, и я сам прихварываю от страданий телесных и душевных.

Как Ваша живопись, и что случилось с квартирой и коллекциями?.. Хотя до сих пор ещё мои дочери не утратили веру в будущем, но письма зятьёв, сильно пострадавших от военных бурь, нас всех перемучили и подействовало на организмы. Мы сильно осунулись, похудели и изменились. Беспорядочно жестокий век отразился губительно. Письмо посылаю заказным, ввиду того, что не только наши к Вам не дошли, но и племянница Катя сомневается, дошла ли корреспонденция Кн. Шаховской?..¹⁴ Стёпу мы видим, но ненадолго. Он тоже волнуется и хлопочет о своей судьбе. Жаль мне очень Бологовского дома и моего кабинета, моей лаборатории раскопок и продуктов драги с озёрных жилищ на плотках. Образцы почв тоже я не успел подвергнуть промывке до пожара. Что из моей библиотеки и собраний предметов науки пропало, не могу ещё сообразить. Ещё в 1878-м году в «Памятниках древней письменности» у Ф. И. Булгакова была статья под заглавием «Палеографическая коллекция Кн. П. А. Путятина». Картины и мебель спасли. По-видимому, тут был недосмотр трубочиста, чистившего трубы к нашему приезду летом. Но что наше горе с ужасами погромов дворцов, уничтожением памятников истории и искусств, старинных зданий усадеб и пр., пр... Наши с Вами художественные волнения ничто перед этим. Там уничтожалось воюющими народами - а тут свой своего и своих разоряет и уничтожает, доводя до голода народ. Графиня Уварова мне написала очень сочувственное письмо по поводу утрат в Бологом. Но что всё это в сравнении с муками о детях, внучатах и наших страданий [за] героев России... Всё это ничто перед больным сердцем. Дай Бог, Вам всего хорошего от старика и его жены, и Сони, которая не забывает нас - покоит, сколько возможно, несмотря на то, что тоже похудела и перестрадалась много. Об Мире тоскуем тоже, она с мужем и с детьми около них. Целую всех от мала до велика от любящего сердца.

Князь П. А. Путятин

¹³ Жена П. А. Путятина, княгиня Е. В. Путятина.

¹⁴ Княгиня Анастасия Васильевна Шаховская, сестра Е. В. Путятиной.
Номер телефона.

Прочёл вчера в газете, что Гр. Алексей Александрович Бобринской, председатель бывшей Археологической Комиссии и пр., пр., называет себя настоящим пролетарием. Заводы его социализированы. Земли отняли.

[Приписка княгини Е. В. Путятиной:]

Ляля, целую тебя и деток без конца, сердечный привет Колинке твоему.

Твоя тётя.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

[30 декабря 1917] Петроград.

Письмо Н.К. Рериха к Бенуа А.Н.

Дорогой Александр Николаевич,
итак, я приехал! Хотя и не совсем ещё поправился, но надо настроить дела Школы. К удовольствию узнал, что Ты в Комиссии по моему проекту Свободной Академии, и очень прошу Тебя завтра 31-го в 4 часа к моему брату – Кадетская линия, № 9. необходимо повидаться в Комиссии. Очень жду Тебя. Привет Анне Карловне. Искренно преданный

Н. Рерих

Отдел рукописей ГРМ, ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 23. (Заметка карандашом: Зима 1917).

[30 декабря 1917] Петроград.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Дорогой Степан Петрович
Весь день искал Тебя — никак не найти. Завтра, в воскресенье, в 4 часа у брата Бори (Кадетская, 9) будет Комиссия по проекту Школы. А. Н. Бенуа будет. Побывай непременно.

Рад видеть Тебя.

Н. Рерих

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 34. Автограф письма. Без даты.

31 декабря 1917 г. Петроград.

Письмо П. П. Гнедича к Рериху Н. К.

Дорогой Николай Константинович, я получил повестку на заседание 2 января, 3 часа, и перенёс заседание, назначенное на этот день у нас, на сегодня. Теперь я никак не могу отложить его. Странно, что Вы вчера не дозвонились мне: я трижды беседовал по телефону после 5-ти, совершенно свободно. Теперь уже поздно. – 2-го увидимся. Я приеду в 2 ½ – и свободен всё время.

С Новым годом! Сердечно преданный

П. Гнедич

31.XII. 1917.

P.S. завтра весь день я дома.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

31 декабря 1917 г. Петроград.
Письмо Н.П. Химоны к Рериху Б. К.

Многоуважаемый Борис Константинович!

К моему большому сожалению, по случаю нездоровья не могу быть на заседании Комиссии по просмотру проекта директора Школы Н.К. Рериха. Будучи детально знаком с проектом, я не вижу в нём пунктов, которые вызвали бы с моей стороны возражений, поэтому я всецело готов принять его и голосую за него.

С уважением пребываю

Н. Химона

Петроград. 31-го Дек. 1917 г..

Центральный Государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1. Д. 1750-а, л. 67.
Автограф письма.

31 декабря 1917 г.
Журнал заседания Комиссии

Журнал Заседания Комиссии, созданной и избранной Комитетом Всероссийского Общества поощрения Художеств, для рассмотрения проекта Н.К. Рериха «Свободная Академия».

31-го Декабря 1917 г.

Присутствовали: Алекс. Н. Бенуа, С.П. Яремич, Б.К. Рерих и Н.К. Рерих.
При сём письмо Н.П. Химоны, не прибывшего по нездоровью.

По прочтению проекта и обсуждению его принята единогласно III версия при По сокращённой) смете, при условии выполнения сметных назначений, при этом были приняты след. поправки: в § VII вместо 2 учреждению» внесено «искусству» и к §10 след. примечание: «в случае обнаружившейся невозможности совместной работы профессору предоставляется право отказаться от руководства, причём ученик выбывает из данной мастерской».

Александр Бенуа
Н. Рерих
С. Яремич
Б. Рерих

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1759-а, л. 65. Автограф Б.К. Рериха.
Подписи-автографы соответствующих лиц.

31 декабря 1917 г. Петроград.

РЕЧЬ Н. К. РЕРИХА НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ

Дорогие товарищи.

Хочется мыслить в наши дни особенно явно, особенно открыто, во благо России, во благо знания и искусства. Во благо строительства светлой единой жизни человечества.

Среди разрушения каждая рабочая ячейка должна думать о созидании. Мы все здесь старались во имя искусства.

Меня призвал к работе Комитета Д. В. Григорович и взял с меня слово, что я эту работу не покину. Это слово я сдержу. Сдержу, зная, что звал он меня защищать не чьё-то личное дело. Если мы здесь для дел личных, то лучше нам скорей разойтись. Звал он меня на строение общественных путей искусства. Путь частного почина. Путь, на которых более всего познаётся жизнеспособность искусства страны, этого мерила будущности и значения народа.

Я работаю здесь, в этой комнате Комитета, 20-ый год. Я в своё время обращался ко всем вам, всех вас звал, за исключением Д. [И]. Верещагина, с которым я не имел удовольствия встречаться ранее (представленного В. А. Щавинским), звал Вас на дружную работу, зная, что все мы не только связаны дружеством, но и искреннею любовью к искусству. В деле должен быть обмен мнений, взаимоубеждение, но враждебного начала не может быть. Зародыши этого начала, если бы они стали возникать, надо искоренить.

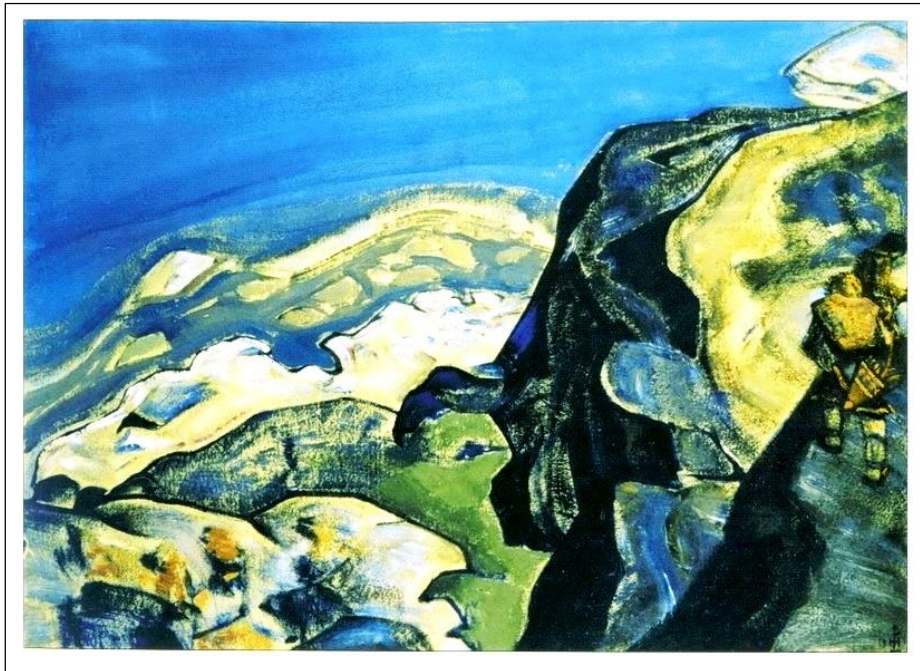
Ко всем Вам я обращаюсь с открытой душой, уверенный в дружбе Вашей. Теперь можно смеяться надо всем. Можно опрокидывать весь словарь добра. Но для нас ведь это не словарь, не букварь, а понятия всем нам близкие и глубокие. Имеются же и человеческой жизни ценности, которые не вызывают усмешку. И во имя этих ценностей мы должны создать логически обоснованный, расширяющийся путь нашего дела.

В комнате Комитета работали над общественным делом Григорович и Куинджи, они верили в свободное общественное начинание художественного дела. Я слышал их убеждённые споры. Будем же спорить. Будем взаимно убеждать. Но не должно быть признака вражды, признака враждебного обособления. Будем мыслить явно, громко, ибо в наших исканиях и достижениях всё должно быть гласно и едино, как едино в своём многообразии подлинное искусство.

Н. Рерих

31 Декабря 1917 г.

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 55. Машинопись. Подпись и число — автограф Н. К. Рериха

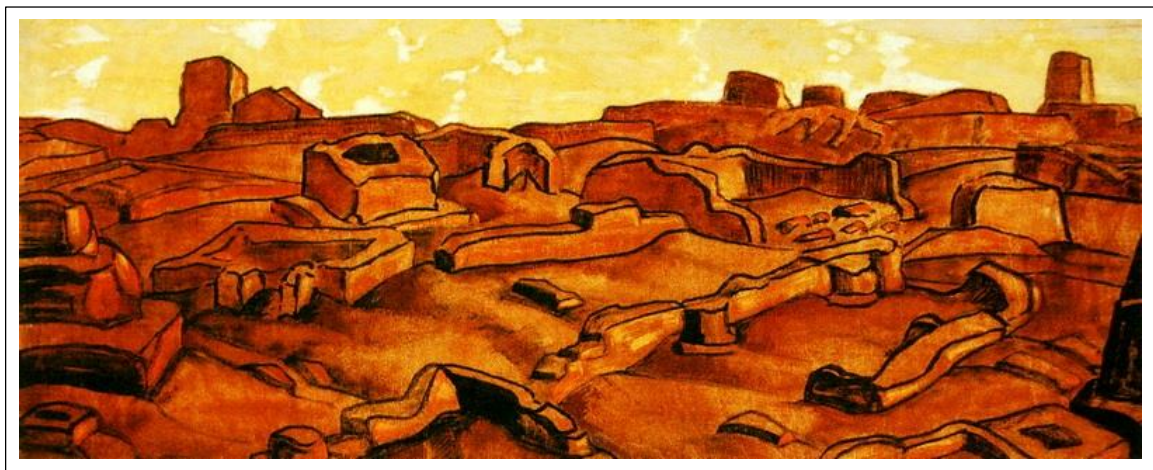
Н.К. Рерих. На горной тропе. (Победитель клада). 1917.

Взойду

Голос ещё раз подам.
Куда от меня вы ушли?
Вас мне снова не слышно.
Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу
голос ваш от
ветки падения, от взлёта
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдёте ли вы,
но хочется мне ещё на
вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Аркан ваш пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду!

[1917]

Цветы Мории. 1921.

Н.К. Рерих. Фамагуста. 1918.

Кипр. Город-призрак Фамагуста.
(Современное фото)